
А. Р. ИХСАНОВ

ТРАНСМИССИЯ ЗНАНИЙ О РАБОТАХ А.Н. САМОЙЛОВИЧА: ФАКТОРЫ НЕФОРМАЛЬНОСТИ И ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В 1938 году во время сталинского террора погиб выдающийся русский тюрколог Александр Николаевич Самойлович. Однако его имя не было забыто. По крайней мере три разных источника, связанных с периодом 1940-х гг., выявили горизонтальную сеть передачи данных о его наследии. Более того, именно в этот период архив исследователя был получен академическими институтами. Цель данной статьи – проанализировать эти эпизоды, чтобы показать сложность и многомерность разрывов в межпоколенческой передаче знания в интеллектуальной истории Центральной Азии. Вторая часть данного обзора посвящена анализу семейного архива семьи Самойловичей. Это исследование выявляет дальнейшее создание новых горизонтальных связей. После 1960-х годов эти отношения позволили представить работы Самойловича академическими кругам. Некоторые фотографии, книги и письма хранятся в семейном архиве до сих пор. Их публикация может обогатить изучение различных направлений интеллектуальной истории региона. Сам Самойлович был создателем огромной сети информаторов. Эта коммуникационная сеть была его способом собирать материалы и консультироваться с местными жителями об их образе жизни и восприятии различных социальных явлений. Кроме того, материалы семейного архива могут быть полезны для дополнения данных о незавершенных проектах и идеях Самойловича.

Ключевые слова: История науки, интеллектуальная история, Самойлович, источниковедение.

DOI: 10.34920/1694-5794-2020-28

Цитирование: Ихсанов А. Трансмиссия знаний о работах А. Н. Самойловича: факторы неформальности и горизонтальных связей в интеллектуальной истории Центральной Азии // Вестник МИЦАИ. 2020. Вып. 30. С. 113–126.

СОГЛАСНО стадийному подходу интеллектуальную историю Центральной Азии делят на несколько значимых периодов. Например, 1920–1930-е гг. – время появления в регионе концептуального аппарата модерна (Khalid 2015), 1940–1950-е гг. – период институционализации региональной науки и перехода к новому методологическому аппарату (Bustanov 2015). Окончание каждого периода знаменуется либо радикальным разрывом в теоретических подходах, либо сменой поколений учёных (Hirsch 2005). Некоторые специалисты особо подчёркивают идею прерывистости в межпоколенческой передаче информации, сыгравшей свою роль в формировании пробелов в трансмиссии знания (Ларуэль 2018). Однако так ли однозначен этот нарратив? Как показывает изучение архивных

фондов, процесс передачи информации не был столь прямолинейным.

Данная статья основана на попытке изучить сведения о деятельности востоковеда-тюрколога Александра Николаевича Самойловича (1880–1938), циркулировавшие в научных кругах 1940-х гг. Дальнейший процесс обретения материалов исследователя рассматривается в контексте анализа материалов домашнего архива его потомков, что позволяет обратить особое внимание на судьбу наследия учёного.

Самойлович – одна из важнейших персоналий в интеллектуальной истории Центральной Азии (ил. 1). Начав свою академическую карьеру в 1902 г. с изучения туркменской филологии, он стал известен благодаря своим этнографическим, литературоведческим и филологическим исследо-

ваниям. В 1920–1930-х гг. он также активно занимался «общественной деятельностью», участвуя в образовательных и культурных реформах в Центральной Азии. В 1938 г. учёный стал жертвой политических репрессий (Blagova 2008: 353–479).

Безусловно, задача изучения упоминаний имени учёного до официальной реабилитации 1958 г. могла бы стать базой для самостоятельного исследования. Однако предварительное сообщение о некоторых обнаруженных фрагментах позволяет начать дискуссию о феномене связанности и прерывистом характере взаимодействий. Именно вопрос разновременных и сложных процессов характеризует региональное эпистемическое пространство гораздо более точно, чем теория культурного трансфера (Sartori 2016).

Для настоящей статьи ключевое значение имеет исследование методов коммуникации между учёными, а именно формального и неформального обмена. Сам Самойлович был частью таких сетей, способствуя активному обороту книжных изданий и текстов¹. После его гибели созданные им тексты сохраняли своё научное значение. Однако обмен ими в рамках формальных сетей был ограничен. Неформальность, согласно социологическим исследованиям, способна восполнять отсутствующие институты формального поля, развивая функциональные сообщества (Ledeneva 2018: 1–31). Неформальная коммуникация между учениками, коллегами и родственниками учёного способствовала не только сохранению памяти о нём, но и дальнейшему появлению его

разработок в академических изданиях, правда, без упоминания имени специалиста. Подобного рода трансфер знания может свидетельствовать о сложном характере межпоколенческого обмена, воспринятого уже не как разрыв, а как элемент связанности, достаточно сложный в своём внутреннем содержании, наполненном внутренними разрывами.

Автор выражает особую благодарность внучке востоковеда Марине Платоновне Самойлович за возможность публикации сведений из семейного архива, которые и сыграли значимую роль в понимании представленной темы.

Трансмиссия знаний и памяти

В современной историографии существуют две точки зрения на деятельность Самойловича. Согласно одной из них, исследователь был академическим работником и стал невинной жертвой политических репрессий (Allworth 2002; Kemper 2017). Согласно другой, тюрколог был неотъемлемой частью создания «советского Востока» и академиком, лояльным большевикам (Hirsch 2005). Его гибель стала звеном единой цепи реконцептуализации советской политики в области науки (Clement 2018: 68–91). Подобный разброс оценок связан не только с противоречивой политической атмосферой тех лет, когда временные тактические альянсы были непосредственно связаны с реализацией практических целей и задач (Kassymbekova 2016). Ещё большее значение имеет изменение структуры академических институтов (Bustanov 2015). Динамизм системы, когда институты создавались, менялись и ликвидировались в рамках довольно коротких промежутков времени, с одной стороны, приводил к борьбе между новыми и старыми академическими кадрами (Германов 1996). Различавшиеся в своей методологической базе, политической программе и видении внутренних процессов в обществе, эти группы вступали в серьёзное противоборство. С другой стороны, взаимные претензии и обвинения обнаруживаются и внутри этих обобщающих структур.

Самойлович несколько раз оказывался под огнём критики коллег. В период 1920-х гг. тюрколог начал сотрудничество с большевиками, что стало поводом для дискуссий в сообществе ленинградских востоковедов (Blagova 2008: 408–415). В те же годы исследователь несколько раз подвергался критике из-за своей методологии и видения гетерогенности центральноазиатских культур уже со стороны нового поколения большевистских учёных. В 1931 г., после Академической конференции в Ашхабаде, Всесоюзное

¹ В частности, поэт Абдулхамид Сулейманов, более известный под псевдонимом Чулпон (Chulpo'n), писал Самойловичу: «Если Вам не трудно, могли бы Вы со своей стороны поспособствовать, отобрав несколько произведений, относящихся к литературе на турецком языке, и отправив [их мне]. Я был бы несказанно этому рад. Хотите на арабские, хотите на латинице - достаточно будет любых трудов для ознакомления с литературными работами в Турции. Если необходимо, возможно, и с возвращением обратно. Если Вы найдёте возможным принять эту просьбу, мой друг, который находится в Ленинграде, через которого я передавал это письмо, может взять книги у Вас и доставить их мне. Философия и языковые дискуссии также подойдут». Позднее, Чулпон указал, что получил книги: «Дорогой учитель! Я получил Ваше благословенное письмо и две книги. Говоря узбекское народное выражение «boshit ostonga yetdi», я хвалюсь тем, что испытал радость. [...] Далее, несмотря на бесцеремонность, я всё же попрошу Вас: я хотел бы посмотреть турецкие стихотворные произведения последних лет, образец [...] . Поскольку после 1926 г. у нас нет никаких известий о той стороне. Особенно избранных журналов по литературе. Если в этой связи представится случай, то отправьте тому моему другу, который уже забирал у Вас книги, открытку, он лично всё заберёт и передаст». Перевод мой (А.И.). Благодарю за помощь в просмотре транслитерации текста А. Базарбаева и Х. Назирову. ОР РНБ, Ф. 671. Д. 286: 3–4 об, 7.

Ил. 1. Александр Самойлович. 1935 г.

объединение Ассоциаций пролетарских писателей раскритиковало Самойловича за поддержку идей первого туркменского филолога Мухаммеда Гельдиева². Критиковали Самойловича и за поддержку его ученика, туркменского литературоведа Абдульхекима Кульмухамедова³. Другим интересным документом, относящимся к тому же периоду, является докладная записка Сергея Ефимовича Малова, который обвинял коллегу в сведения личных счётов. Малов указывал на отказ Самойловича в поддержке его кандидатуры

на пост профессора турецкой словесности и блокирование ряда инициатив других специалистов. Несмотря на то, что докладная записка не была рассмотрена конфликтной комиссией ввиду того, что «эпизод был исчерпан», этот документ ясно характеризует эпоху и атмосферу внутри научных институтов⁴. Этот документ также перекликается с расследованием служебной деятельности академика после его ареста в 1937 г. В этом документе Самойлович обвиняется в соучастии с «туркменскими басмачами» и «татарскими муллами». В частности, речь идёт о зачислении в Ленинградский Восточный институт Еген-Сердара и Десте-Гуль Йомудских, Алламурада Кульмамедова, Шемседина Керими, Караджа Бурунова, Абдуллы Геленова, Абдульхекима Кульмухамедова и других представителей интеллектуальной элиты Центральной Азии и Поволжья тех лет⁵. Так или

² Написание туркменских имён приводится согласно архивным документам. В спорных случаях – «Geldijif» (согласно письму названного лица) и «Гельдиев» (по Самойловичу) – преимущество отдавалось русскоязычным материалам. ЦГА СПб, Ф. Р-7222, Оп. 38, Д. 57: 59–62.

³ «Бедный А. Н[иколаевич]! Не угодил он некоторым образованным туркменам и своими рецензиями в сборнике «Мир-Али-Шир»: называют его «соглашателем», избегающим называть вещи (т. е. ненаучные и негодные издания) своими именами и очень мягко относящегося к отрицательным явлениям в литературе только потому, что они вышли из-под пера ориенталов». Автор благодарит Маттиаса Баттиса за указание на эту цитату. СПбФ АРАН, Ф. 68, Оп. 2, Д. 221: 161–162

⁴ «Я отказался от всех постов, поскольку не желаю служить человеку, для которого личная месть важнее рабочих функций». СПбФ АРАН, Ф. 1079, Оп. 2, Д. 9: 6.

⁵ ЦГА СПб, Ф. Р-7222, Оп. 38, Д. 57: 59–62

иначе, в 1938 г. академик Самойлович погиб, а его имя исчезло из опубликованных научных работ. В частности, речь идёт, о последнем крупном проекте исследователя – «Материалах по истории туркмен и Туркмении». Самойлович был редактором этого сборника и именно ему принадлежит концепция двухтомника. Однако в итоговой публикации появляется новая группа редакторов (Bustanov 2015: 5–18).

Казалось бы, смена методологии (переход к национальной парадигме истории стран региона, стадийная концепция развития и классовая характеристика как важный элемент исследования) и поколений должны были привести к замене работ Самойловича на новые, написанные в рамках господствующих подходов. Однако это не так.

Во-первых, ссылки на материалы Самойловича обнаруживаются сразу в нескольких диссертационных исследованиях, которые были начаты ещё до его ареста. Например, в 1939 г. в Ленинградском государственном университете проходило обсуждение диссертации Игнатия Дмитриевича Кельда-Дмитриева «Новое учение о языке академика Н. Я. Марра и туркменская орфография». Изначально работа готовилась к представлению на Первой туркменской лингвистической конференции 1936 г., но автор не уложился в срок. В списке документов, приложенных к работе, значится отзыв советского тюрколога Николая Константиновича Дмитриева, который раскритиковал тех специалистов, кто работал над туркменским алфавитом прежде⁶. В списке оказался и Самойлович. Впрочем, основная критика Дмитриева и Кельда-Дмитриева направлена на несостоятельность фузионной⁷ теории Александра Петровича Поцелуевского и искусственность орфографии 1936 г., что остро ощущалось в процессе преподавания. Несмотря на такое совпадение взглядов автора и рецензента, работа была признана не соответствующей критериям⁸.

Схожий пример – работа востоковеда-этнографа Анны Леонидовны Троицкой «Народный театр в Узбекистане», созданная в 1947–1948 гг. Троицкая описывала цеховую систему устройства узбекского театра. Темой центральноазиатских цехов интересовались несколько специалистов ещё до революции. Самойлович был одним из тех, кто интересовался уставами цехов, но оставил о них лишь краткие заметки (Джумаев 2011). Именно на эти заметки и ссылается в своей ра-

боте Троицкая, отмечая краткость и фрагментарность данных. Диссертация этнографа так и не была опубликована, а рукопись и материалы хранятся в российской национальной Библиотеке⁹. К вопросу о ссылках в диссертационных исследованиях следует добавить и работу туркменского филолога Зулейхи Бакиевны Мухаммедовой. В 1948 г. она защитила диссертацию «Язык астрабадской рукописи Махтумкули». В центре внимания её исследования находилась рукопись Русского географического общества, написанная армянским переводчиком Рафаилом Никитовичем Езнаевым (Колобылина 1996: 18–19). Изучение переписки туркменского филолога с русским арабистом Игнатием Юлиановичем Крачковским, который был рецензентом её работы и другом Самойловича, показывает, что в 1947 г. Мухаммедова ссылалась в своём анализе на «известнейший «Указатель песен Махтумкули»¹⁰. Соответствующий текст принадлежит перу Самойловича. В нём действительно содержится специальный подраздел, описывающий представленную рукопись (Самойлович 1909: 216–218). Мухаммедова уточняет данные Самойловича, впрочем, не называя имени тюрколога.

Дмитриев, Троицкая и Крачковский контактировали с тюркологом до его гибели. Они предоставили информацию о его исследованиях своим ученикам в частном порядке или в своих критических заметках. Схожие сведения о постлекционных беседах со студентами народного писателя Туркменской ССР Хыдыра Дерьяева, учившегося у Самойловича в 1927–1928 гг., описывает в своих статьях и Муратгельды Соегов¹¹ (Соегов 2014). Эти беседы о своём опыте и своих учителях включали рассказы и о некоторых репрессированных ученых. Интересно, что в 1980 г. по плану конференции памяти востоковеда, проводившейся в Ашхабаде, должен был быть представлен доклад Дерьяева «Воспоминания об А. Н. Самойловиче». Однако по неизвестным обстоятельствам он был заменен другим¹².

Итак, система горизонтальных связей в структурах советских институтов позволяла знанию о репрессированном востоковеде продолжать своё функционирование даже в условиях институционального запрета. Подтверждения этому обнаруживаются и при анализе судьбы архивных материалов.

⁹ ОР РНБ, Ф. 1259, Д. 1.

¹⁰ СПбФ АРАН, Ф. 1026, Оп. 3, Д. 650: 76.

¹¹ Правда, речь идёт о периоде 1970-х гг.

¹² Выписка из протокола совместного заседания Президиума, парткома, Комитета профсоюза и комитета комсомола АН ТССР. От 22 февраля 1980 г. (из семейного архива Самойловичей).

⁶ Среди них А. П. Поцелуевский, А. Н. Самойлович, С. Л. Быховская, М. Богданова, С. Е. Малов и др.

⁷ Фузия – слияние морфем, сопровождающееся изменением их фонемного состава; стирание границ между морфемами.

⁸ ЦГА СПб, Ф. Р-7240, Оп. 12–1, Д. 1122.

Обретение архива: связанность фондов

«Мой заработок практически равен нулю, а в ноябре был даже меньше. В связи с этим я принял за реализацию своей восточной библиотеки, предложенной Институту Востоковедения. Думаю, что в январе я это дело завершу». Такое письмо 1 января 1942 г. из блокадного Ленинграда было отправлено сыном тюрколога, Платоном Александровичем, в Ташкент¹³. В марте он отчитался о продаже библиотеки за 2500 рублей¹⁴. Эти сведения дополняет и выписка из его бухгалтерской книжки, которая свидетельствует о продаже «бухарского халата», «йомудского ковра», «текинско-красавца» (видимо, речь о ковре) и других вещей отца¹⁵. Тяжелейшая обстановка блокадного Ленинграда, а также эвакуация привели к тому, что часть личных вещей академика Самойловича оказалась утеряна. Тем не менее, небезынтересна судьба некоторых предметов. Так, диван из квартиры Самойловичей долгое время находился в ленинградском Доме учёных¹⁶.

Ключевой же интерес для изучения интеллектуальной истории представляет та самая «восточная библиотека». Начать следует с рассмотрения истории обретения фондов Самойловича. Первая часть книг и рукописей академика была получена после его ареста в 1938 г. Государственной публичной библиотекой (ныне Российской национальной библиотекой). Этот фонд был дополнен новыми поступлениями в 1941 г. Отметки об этом присутствуют в годовых книгах новых поступлений (Опись 1961)¹⁷. Однако в общем указателе поступлений за 1939–1946 гг. фонд документов Самойловича отсутствует (Андреев 1951). Согласно описи более чем трёхсот материалов, полноценная каталогизация рукописного фонда произошла лишь в 1961 г. после реабилитации. В то же время книги академика были переданы в другие фонды библиотеки. Так произошло разделение и рассеивание тесным образом связанных

материалов. Часть из них оказалась в отделе литературы народов СССР, позже ставшем отделом национальных литератур (Жабко 2014).

В начале 2000-х гг. заведующий эти отделом Алексей Сергеевич Асватуров попытался обобщить книги с дарственными надписями, адресованными востоковеду (Асватуров 2004). Они были систематизированы в специальном каталоге «Коллекции» (Картотека 895). Однако эта работа так и не была завершена. Согласно картотеке и некоторым просмотренным книгам, в библиотеке тюрколога присутствовали «Чагатайско-турко-османский словарь» аль-Бухари (Стамбул, 1880), «Каллиграфия ислама» Османа Акчокраклы (Санкт-Петербург, 1900), «Vabernameh» в редакции Николая Ильменского (Казань, 1857), «Маленькие мысли о больших проблемах» (Санкт-Петербург, 1914) и «Вопросы брака» (Санкт-Петербург, 1917) Мусы Бигиева, «Краткая история тюрко-татар» (Казань, 1915) и «Каюм Насери об одном сочинении Ш. Марджани» Ахмед Заки Валиди-Тогана (Казань, 1914), «Хрестоматия Тарту» Абубакира Диваева (Ташкент, 1924) и др.

Далеко не все эти издания были доступны читателям после обретения библиотекой. Круг общения востоковеда до революции 1917 г. включал таких личностей, как Мустафа Чокаев, Джейхун Гаджибейли, Николай Йомудский, Ахмед Валиди и др. Многие из них после периода политических пертурбаций покинули СССР (Благова 2005). Как следствие, их книги, составлявшие часть библиотеки Самойловича вряд ли могли оказаться в свободном доступе.

Вторая часть «восточной библиотеки» – та самая, которую продал сын исследователя во время блокады Ленинграда, оказалась в составе Архива востоковедов Института востоковедения Академии наук СССР. Уже по получении в 1942 г. она была выделена в особый фонд под номером 81 (Чугуевский 1990: 53). Книги учёного, включавшие его рукописные заметки, стали частью библиотеки института (Дмитриева 1974). В 1949 г. при реорганизации структуры архивов Академии наук рукописные материалы были переданы в архив АН, где был сформирован новый фонд – 782. За год до этого Институт востоковедения произвёл их инвентаризацию стараниями Русуданы Рубеновны Орбели (Опись 1949). Несколько документов были переданы в спецхран института, а остальные в архив АН. В 1957 г. во время процесса реабилитации по запросу учёного секретаря Ленинградского отделения фонд был изучен вновь в связи с попыткой публикации прежде не изданных материалов¹⁸.

Итак, основа коллекции материалов Самой-

¹³ Письмо П. А. Самойловича сестре своей жены, медику по образованию Вере Андреевне Введенской в Ташкент от 1 января 1942 г. (из семейного архива Самойловичей). «Блокадные письма» были оцифрованы Президентской библиотекой им. Б. Н. Ельцина и должны быть доступны на её сайте.

¹⁴ Письмо П. А. Самойловича своей супруге, преподавательнице английского языка Валентине Андреевне Каллистовой в Ташкент от 22 марта 1942 г. (из семейного архива Самойловичей).

¹⁵ Письмо П. А. Самойловича В. А. Каллистовой в Ташкент от 14 июня 1942 г. (из семейного архива Самойловичей).

¹⁶ По устному сообщению М.П. Самойлович (25 октября 2019, Санкт-Петербург).

¹⁷ Номер 687 книги поступлений за 1938 г.; номер 5 книги поступлений за 1941 г.

ловича была получена научно-исследовательскими институтами сразу после его ареста в период 1938–1942 гг. Однако доступ к этому фонду документов был ограничен. Тем не менее, судя по материалам описей, не все рукописи сразу были отправлены в спецхран. Более того, книги учёного комбинировались с коллекцией институтских библиотек и, вероятно, всё же были доступны для читателей. Пример этому можно найти в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета. В Научной библиотеке имени М. Горького хранится несколько копий работ Самойловича с вымаранным именем автора¹⁹. Они могли быть доступны читателю в период до реабилитации. Другой пример – судьба рукописей, отправленных академиком в Ташкент для публикации в одном из общетуркестанских научных сборников. Подробно их судьбу описал Сердар Атдаев. Национально-территориальное размежевание привело к тому, что проект сборника не был реализован. Обнаруженные в архивных фондах археологом Михаилом Евгеньевичем Массоном эти работы были опубликованы в 1961 г. в Известиях Академии наук Туркменской ССР как поступившие из Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Хотя точная дата перехода рукописей из архива в редакцию не указана (Атдаев 2019), сам факт их сохранности говорит о многом.

Структура семейного архива

Платон Александрович отдал в Институт востоковедения не все материалы отца: некоторые из них до сих пор хранятся в семейном архиве Самойловичей. Описание этого собрания документов позволяет дополнить сведения о самом тюркологе и восполнить ряд пробелов в его коллекциях. Кроме того, в рамках обозначенной темы интересно проследить, как те или иные горизонтальные сети отражались на содержании домашнего архива и/или публикации его частей.

Материалы семейного архива можно разделить на две части: принадлежавшие Самойловичу и посвящённые ему. Первая часть состоит из предметов материальной культуры, фотографий, книг, корреспонденции и официальных документов. Вторая – из статей, монографий, попыток систематизации биографии, предпринятых сыном тюрколога, и переписки с учёными и институтами.

¹⁸ Докладная записка Л. Дмитриевой от 30 января 1957 г. (по материалам семейного архива).

¹⁹ Экземпляр «Книги рассказов о битвах текинцев», подаренный профессору Николаю Александровичу Медникову. Инвентарный номер W III 6.

Описание первой части домашнего архива следует начать с остатков библиотеки Самойловича. К старейшим книгам этого собрания относятся два карманных Евангелия. Точная датировка изданий не представлена. На форзаце одной из книг есть отметка рукой Самойловича (что подтверждает указание Платона Александровича): *«Бабки моей по матушке Елизаветы Николаевны Штейгмен, урождённой Скоробогатовой. [Умерла в] 1903 г. в Нижнем Новгороде, 63 лет. Затем пользован тётёй Анной Александровной Штейгмен [Умерла в] Нижнем Новгороде в 1924 г. Прислан мне мамой / от ... (неразборчиво) П.О. в 1925 г.»* (ил. 2). Второе Евангелие, очевидно, принадлежало отцу исследователя, Николаю Яковлевичу. Оно примечательно вкладышами, которые отмечают рукописные пометки Николая Яковлевича, посвящённые наиболее важным событиями семейной истории. Последняя отметка связана с 1936 г. и смертью Евгении Александровны, матери исследователя.

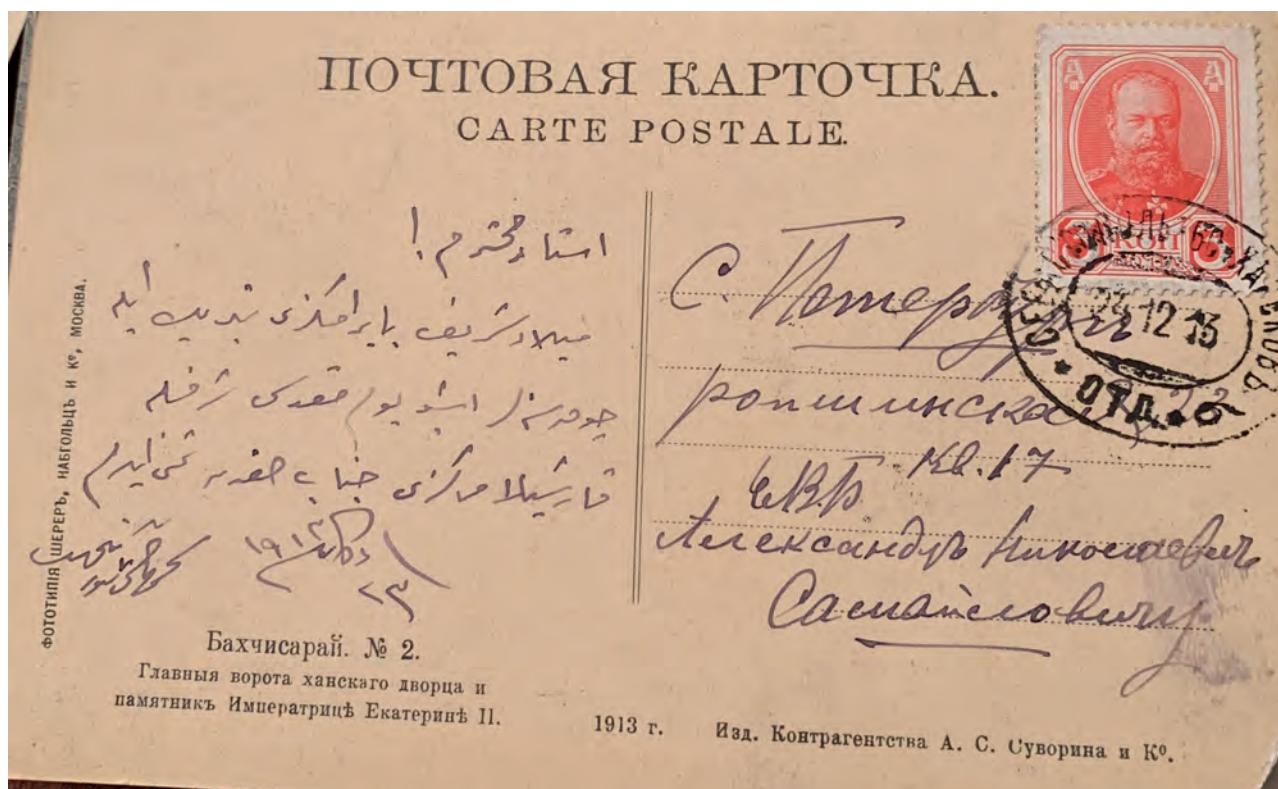
К семейным материалам из библиотеки относятся и книги, полученные за хорошую учёбу. В частности, подарки педагогического совета Нижегородского дворянского института Императора Александра II – «Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии» и «История Петра Великого для юношества» (Санкт-Петербург – Москва, 1875). Эти материалы могут дополнить историю становления взглядов исследователя, опубликованную мной ранее (Ikhsanov 2020).

Из научных материалов в семейном архиве удалось определить три книги: авторский экземпляр сборника «Похвала книге» (1917), сборник «Фердовси 934–1934» и подарочный экземпляр монографии «Персидские лирики X–XV вв.» (1916) с подписью Агафангела Ефимовича Крымского. Первый сборник был составлен профессором Петербургского университета Ильёй Александровичем Шляпкиным. Самойлович включил в него свой перевод стихотворения туркменского поэта Садыка. В экземпляре домашнего архива присутствует вкладыш с пометкой: *«На ту же тему Мехеммед Эмин (сборник его стихов 1316 г.). Куран-и Карим»*. Сборник Шляпкина включает и переводы арабской поэзии И. Ю. Крачковского. Это издание важно в контексте взаимодействия востоковедов с представителями других гуманитарных специальностей в рамках университета, особенно обострившегося в период Первой мировой войны.

Именно Шляпкин был автором выпада в сторону В. В. Бартольда, научного руководителя Самойловича, и «немецкой профессуры» факультета восточных языков (Батутинский 2017). С другой

Бедня мои по мнущим
Евгелию Николаевич
Штейнман, урожде швед
Скоробогатовъ, † 1903?
в Н-Новгород. 63 лет.
—
Жанъ ильготки гуръ. Александр
Александр. Штейнман.
† в Н-Нов. 27 1/2 лет.
—
Дружески иль мнущимъ по мнущимъ
† 1925?
В. О.
Мисако гурсон
Александра Илья мнущимъ
1931?. Илья

Ил. 2. Подпись к Евангелию. 1925 г.

Ил. 3. Открытка на крымско-татарском языке. 1913 г.

стороны, определённый интерес представляют маргиналии Самойловича в сборнике «Фердовси». Тюрколог указывает на отличие ташкентской рукописи от описанной им гератской. Карандашные пометки свидетельствуют о необходимости обратиться к статье узбекского учёного и младобухарца Фитрата о «Кутадгу билиг» («Маариф ва оқутчучи»²⁰, № 2 за 1925 г.) и возражениям Салиха Рифата в ходе Первого тюркологического конгресса (1926 г.). Наконец, дополняет эту часть архива газета «Красный Татарстан» (номера от 18 и 21 декабря 1928 г.) о проблеме принятия нового тюркского алфавита на основе латиницы и журнал «Огонёк» (№ 1 за 1929 г.) о новых задачах Академии наук.

Материалы переписки, сохранившиеся в домашнем архиве, также немногочисленны, но свидетельствуют о горизонтальных связях. Например, открытка из Бахчисарая на крымско-татарском языке: «Уважаемый учитель, Вместе с поздравлением с Рождеством, желаю, чтобы Вам были даны от Всевышнего долгие лета жизни и Вы с честью встречали священные дни».²¹ К сожалению, идентифицировать подпись отправителя пока не удалось (ил. 3). Другой пример – открыт-

ка от русского офицера туркменского происхождения Николая Йомудского: «25 марта [1914]. Дорогой Искандер-хан, я в Москве, в гостинице «Националь». По делу моего доверителя и думаю побывать у Вас. Целую Вас и Тосю.²² И ручки Раисе Григорьевне. Ваш Н. Йомудский. Пишите» (ил. 4). Судя по указанному периоду, данный документ относится к уголовному делу 1913 г., которое уже было упомянуто в научной литературе (Котюкова 2016; Ikhsanov 2020). К центральноазиатскому направлению относится и поздравительная открытка от исследователя Александра Александровича Семёнова с наступлением 1915 года.

В домашнем архиве сохранилась ещё анонимная открытка с видом Бухары: «Многоуважаемый Александр Николаевич! Спасибо Вам за Ваше обещание прислать отчёт и добиться для меня звания члена-сотрудника ИРГО. Одновременно с этим письмом я посылаю Николаю Николаевичу Беклемишеву (СПб. Васильевский остров, 4-ая линия, дом № 17) свою статью «От Чарджуя до Керки по Аму-Дарье», с фотографиями. Я уверен, положим, что эта статья для него подойдёт, но, может быть, выпуск... его». Генерал-майор Беклемишев был редактором журнала «Море», в

²⁰ По указанию А. Н. Самойловича.

²¹ Перевод мой и Т. А. Слесарева (А.И.).

²² Платона Александровича.

Ил. 4. Открытка от Н. Н. Йомудского. 1914 г.

котором, действительно, в 1908 г. была опубликована статья М. Никольского «По Аму-Дарье от Чарджуйа до Керки». Данная открытка относится к деятельности Самойловича в Русском географическом обществе, что явилось знаковым эпизодом в его научной биографии. Именно в РГО тюрколог получил возможность освоиться с этнографическими исследованиями.

Определённый интерес представляет открытка с почтовым штемпелем Чарджуйа и изображением мельницы в Ташкенте, отправленная жене во время экспедиции в Хорезм в 1908 г. «Третьего дня вечером приехал в Бухару, а сегодня (11 мая) вечером выезжаю в Чарджуй, а оттуда 12 утром в Хиву. Здоров, но весьма мрачно настроен из-за отсутствия вестей от тебя. Остроумову оставил свой адрес, так что если что придёт от тебя, то переишлёт. Открытки с видами береги для моего альбома. Не жалеи бумаги и времени, чтобы чаще писать мне. Отсутствие писем очень тяжело сказывается на моём настроении, а значит и на моих занятиях. Целую». Эта экспедиция привлекла внимание Паоло Сартори и Гулноз Халлиевой, которые подготовили свои публикации о ней (Sartori 2016; Halliyeva 2016). Альбом, о котором идёт речь, является коллекцией открыток, часть которой сохранилась в семейном архиве. В собрании есть ещё записка без адреса-

та, но с адресом (Морская, 56, 11), подписанная «Dostuñyz Isgender han tarafyndan» - «От Вашего друга Александр-хана». Записка датирована 9 мая 1905 г. и содержит отрывок стихотворения: «Ведь только мукам! Страдания одни Нам никогда не изменят!..». Наконец, в коллекции сохранились письмо востоковеда-китаиста Василия Михайловича Алексева из Гонконга и большая семейная корреспонденция частного характера.

К предметам материальной культуры относятся небольшая ковровая коллекция (Ихсанов 2018), а также туркменский халат, подаренный Самойловичу в 1936 г. (ил. 5–6), а также кошель из иката, пепельница и чайник, привезённые из Бухары. Исследователь намеревался организовать большую работу по изучению туркменских ковров, отдельные черновики и материалы которой сохранились в архивных фондах Русского этнографического музея и Российской национальной библиотеки. Кроме того, сохранился рельеф профиля исследователя, созданный скульптором Ильёй Яковлевичем Гинцбургом.

Перечень официальных документов включает в себя: благодарность от Академии наук за присланные материалы хорезмской экспедиции (1911), диплом члена-сотрудника Русского археологического общества (1907), устав Всероссийской научной ассоциации востоковедения (1921),

Ил. 5. А. Н. Самойлович с женой Р. Г. Самойлович на Текинском базаре (Ашхабад, 1936 г.)

копию аттестата зрелости (1899), письма из РГО (1907–1917), включая документ об избрании сотрудником общества (№ 375), письма об избрании в члены Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1918), Таврической учёной архивной комиссии (1912), Общества татароведения (1923), свидетельство о браке (1905), пенсионное удостоверение (1934), явочную карту военного комиссариата (1920), а также целый ряд документов, связанных с Петроградским университетом. Особняком среди последней группы стоит «Формулярный список о службе» (1916), подробно описывающий карьерный путь Самойловича до революции и работы в комитетах временного правительства.

Обширная коллекция фотографий – главная часть семейного архива. Она состоит из целого цикла семейных фотографий разных лет, а также несколько серий, связанных с экспедициями 1906 г. в Центральную Азию, 1911 г. в Турцию, 1927 г. на Алтай и поездок на конференции в Симферополь, Москву и Ашхабад. К последней группе относится фотографии с туркменскими коллегами

Мухаммедом Гельдыевым, Шемседином Керими и Абдуллою Геленовым, совместная фотография с А. П. Поцелуевским и Дмитриевым, несколько фотографий с И. Ю. Крачковским с конференций Академии наук.

Кроме того, к этой коллекции относятся две большие группы снимков. Первая – набор открыток, изданных Центральным государственным музеем Узбекской ССР в конце 1920-х-начале 1930-х гг. К ним относятся фотографии «На хлебном базаре», «Уголок на Регистане», «Развалины крепости Сарвадан на реке Фан-Дарья», «Из мечети – развалины Биби-Ханым», «Дервиш за едой», «В мечети – мечеть Хызр», «Терраса мечети – кишлак Дар-Дар, Фальгара», «Хауз, Пенджекент», «Озеро Искандер-Куль из Сарытагского ущелья», «Урюковые сады в Фальгаре». Все эти фотографии сделаны в 1929–1930 гг. в Самарканде и Таджикистане фотографом Кильдюшовым. Остальные открытки без подписей. Одна фотография имеет карандашную отметку «Старая Бухара». На ней изображены аисты, что отсылает к одному из сюжетов в работах Самойловича – хивинской

Ил. 6. Туркменский халат А. Н. Самойловича (Фото: А. Р. Ихсанов, 2018)

легенде о соловье и аисте, которую учёный переиздавал несколько раз (Благова 2005: 1006–1037). Вполне вероятно, что эта серия связана с работой Самойловича вместе с коллективом Комитета по изучению Узбекистана и Педагогического института в Самарканде. В частности, о нём идёт речь в письмах Абдуллы Аляви²³ и Гази Алима Юнусова (ОР РНБ, Ф. 671, Д. 333) – учеников Самойловича. Вторая группа снимков – альбом «Бухара-Хива, 1921» рассмотрена мной в специальной статье, которая планируется к выходу в сборнике «Другой Туркестан».

Ещё в 1908–1916 гг. тюрколог познакомился с представителями группы младобухарцев, что сыграло решающую роль в ходе его работы в дипломатической миссии РСФСР в Хиве и Бухаре в 1921–1922 гг. Он поддерживал отношения с представителями этой группы и после возвращения в Ленинград.²⁴

Вторая часть семейного архива состоит из материалов Платона Александровича. С октября 1937 г. сын исследователя стал отправлять письма в различные инстанции с просьбой получить

хоть какие-то сведения об отце. Лишь в 1957 г. семья получила свидетельство о смерти, а в 1958 г. документы о посмертной реабилитации. В то же время Платон Александрович пытался самостоятельно систематизировать данные о контактах отца и его работе. В частности, он упоминает и Йомудского, и первого туркменского студента Петроградского университета Какаджана Бердыева. В 1961 г. начинается переписка с Фёдором Дмитриевичем Ашниным, который обратился к семье учёного с просьбой о содействии в подготовке его биографии в виде юбилейной статьи. Работу Ашнина в дальнейшем продолжил тюрколог Сергей Григорьевич Кляшторный. Вся переписка между специалистами и семьёй Самойловичей сохранилась. В 1971 г. в Ленинграде прошла конференция памяти Александра Николаевича, во время которой некоторые материалы из семейного архива были представлены научному сообществу. После этого, с 1972 г. семья начала общаться с ашхабадскими лингвистами Дурдымухаммедом Нуралиевым и Аллагулы Моллаевым, которые в 1981 г. инициировали проведение юбилейной конференции памяти Самойловича в Ашхабаде. При их содействии происходил обмен материалами между ленинградскими и ашхабадскими научными институтами. В Ашхабаде планировали большую программу юбилейных мероприятий, однако она не была реализована.

Семейный архив позволяет дополнить некоторые направления исследования биографии тюрколога, а также по-новому увидеть фокус его внимания к некоторым темам – например, проблеме младобухарцев – за счёт материалов альбома и ссылок в книгах. В то же время, семейный архив является примером того, как горизонтальные связи, обмен текстами и построение новых контактов влияли на поэтапное введение наследия востоковеда в научный оборот.

Ключевым методом работы Самойловича был контакт с информантами, построение горизонтальных связей. Несмотря на его гибель в период массовых репрессий память о нём и копии его

²³ «В сентябре вернулся в Самарканд совсем больным. Прележав несколько дней, я опять стал работать. Проректор Высшего Педагогического Института профессор Селиханович и Нарком просвещения предложили мне занять место преподавателя литературы в институте. Сначала я отказал, но после согласился, надеясь, что Вы приедете в Самарканд и дадите мне указания по этой работе. [...] В высшем педагогическом институте работает четыре человека из узбеков: Хашимов - преподаватель обществознания, Салиев - истории, Фитрет - истории литературы и Ваш ученик - теории литературы. У последних трех есть одно желание: на будущий год открывается факультет литературы и языковедения, мы бы хотели, чтобы Вы, если не насовсем, то на известное время, приехали и читали». СПбФ АРАН, Ф. 782, Оп. 2, Д. 1: 4–5.

²⁴ Сын Абдулвохида Мунзима, Рахим Бурханов жил в семье академика в Ленинграде в 1925–1927 гг. В частности, в семейном архиве сохранились две его фотографии, а в РНБ – письмо, адресованное Самойловичу: «Сталинабад 13.8.35. Уважаемый, дорогой Александр Николаевич! Я никогда не думаю о том, чтобы Вы забыли меня, Вашего мальчика и ученика - Абдула 1926–27 г. - сына Вашего друга Мунзима Бурханова. Я шлю Вам, Александр Николаевич, дорогой Раисе Григорьевне и моему другу Платону горячий привет из далекого Таджикистана. В этом году я имел случай окончить в Москве Военно-Инженерную академию РККА им. Куйбышева по гидротехнической специальности. За приобретение такого большогоклада я в первую очередь обязан и благодарен Вам, ибо с Вашей помощью, по Вашему решению и в Вашем доме я получал основу всех основ моих сегодняшних успехов! Я всегда с радостью вспоминаю мою жизнь в Вашем доме и с благодарностью думаю о Вас. Весною прошлого года, недолго проболев воспалением легких, скончался наш отец Мунзим. Это письмо передает Вам мой брат Рашид. Получив в этом году путевку в «Л.И.Ф.Л.И.», он поехал в Ленинград с надеждой обратно приехать отсюда лингвистом-востоковедом. Учиться он обещает хорошо; но ему предстоят большие затруднения, и, в особенности, в первое время. Александр Николаевич! Я прошу Вас, ради памя-

ти моего отца, возьмите Рашида под свое влияние, давайте ему отцовские указания и советы. Окажите ему содействие в его поступлении в институт. Жить он будет в общежитии; пусть он Вам даст регулярные отчеты о своей учебе и жизни. С благодарностью и уважением сына: Рахим. Это письмо должно быть передано в руки товарища Самойловича. Из города Сталинабада, от Рахима Мунзимзаде Бурханова (Их хат ба дасти рафиқи Самойлович расид. Аз шаҳри Сталинобад аз тарафи Рахим Мунзимзада Бурханаф)». Перевод таджикской части письма мой – А.И. ОР РНБ, Ф. 671, Д. 248: 3–5.

исследований продолжали трансмиссию знаний в горизонтальных сетях. Не все материалы были уничтожены, многие удалось сохранить и восстановить. Активность сына исследователя и советских востоковедов позволяли появиться новым сетям, способствовавшим поиску информации и её публикации. В 2000-е гг. Г. Ф. Благова обобщила значительный массив этой информации для издания двух крупных монографий и серии ста-

тей. Однако, не все материалы оказались в фокусе её внимания.

Наследие Самойловича продолжает предоставлять новые материалы по истории региона и трансмиссии знаний между различными поколениями интеллектуалов. Хочется верить, что представленный краткий обзор позволит дополнить уже имеющиеся исследования и даст старт новым работам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андреев 1951 – Андреев А. Краткий отчёт о новых поступлениях за 1939–1946 гг. Ленинград: Публичная библиотека, 1951.
- Асватуров 2004 – Асватуров А. Книги из библиотеки академика А. Н. Самойловича в фонде ОНЛ // 12 Международная конференция Крым 2005: библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса, URL: [http://gpntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/144.pdf] (дата обращения: 06.03.2020)
- Атдаев 2019 – Атдаев С. Русалки и водяные девы - сув-периси в традиционном представлении туркмен // Народы и религии Евразии. № 1 (18). 2019. С. 61–72.
- Батутинский 2017 – Батутинский М. Россия Ислам. Том III. Москва: Прогресс-Традиции, 2017.
- Благова 2005 – Благова Г. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. Москва: Восточная литература, 2005.
- Благова 2008 – Благова Г. Александр Николаевич Самойлович: научная переписка, биография. Москва: Восточная литература, 2008.
- Германов 1996 – Германов В. «Восточный фронт» // Восток – Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. No 3. Москва: Наука, 1996. С. 115–137.
- Джумаев 2011 – Джумаев А. «Устав Среднеазиатских музыкантов» в переводе Чулпана // Восток Свыше. Вып. XXIII–XXIV. Ташкент, 2011. С. 110–118.
- Дмитриева 1974 – Дмитриева Л. Материалы к описанию рукописного наследия А. Н. Самойловича // Тюркологический сборник 1974. Москва, 1978. С. 293–303.
- Жабко 2014 – Жабко Ш. «Отдел литературы народов СССР прошел различные этапы формирования» // К 200-летию РНБ. 2014. С. 96–106.
- Ихсанов 2018 – Ихсанов А. Материалы Александра Николаевича Самойловича (1880–1938) по истории и этнографии туркмен в архивах Санкт-Петербурга // Оазисы Шёлкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения Центральной Азии. Москва: Фонд Марджани, 2018. С. 540–550.
- Котюкова 2016 – Котюкова Т. «Политические дела» в Туркестане в начале XX в.: «шпиономания», или «охота на ведьм» // Ислам в современном мире. Том 12. № 3. 2016. С. 155–176.
- Ларуэль 2018 – Ларуэль М. Нужен не отказ от мономифа, а многоголосье нации // Немономиф. № 1. 2018. URL: [http://esimde.org/archives/1081] (дата обращения: 09.06.2020)
- Колобылина 1996 – Колобылина О. Мухамедова Зуллейха Бакиевна. Ашхабад: Ылым, 1996.
- Опись 1949 – Орбели Р. Фонд № 782 - ак. А.Н. Самойлович. Опись № 1 (3425). Рукописи трудов. Ленинград: Архив АН СССР, 1949.
- Опись 1961 – Петрова В. Фонд № 671 - А.Н. Самойлович. Опись № 487. Опись фонда. Ленинград: Публичная Библиотека, 1961.
- Самойлович 1909 – Самойлович А. Указатель к песням Махтумкули // Записки Восточного Отделения РАО. Том 19 (1909). Вып. 4. СПб, 1910. С. 125–148.
- Соегов 2014 – Соегов М. Репрессированная национальная филология: безвинные жертвы «Большого террора» 1937–1938 гг. // Вестник БИСТ. № 4 (25). 2014. С. 108–117.
- Чугуевский 1990 – Чугуевский Л. Архив Востоковедов (б. Азиатский архив) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Часть III. Москва: Наука, 1990.
- Allworth 2002 – Allworth E. Evading Reality: The Devices of «Abdalrauf Fitra» Modern Central Asian Reformist. Leiden: Brill, 2002.
- Bustanov 2015 – Bustanov A. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. London and New-York: Routledge, 2015.
- Clement 2018 – Clement V. Learning to Become Turkmen: Literacy, Language, and Power, 1914–2014. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2018.
- Halliyeva 2009 – Halliyeva G. XX Asr Rus Sharqshunosligida O'zbek Mumtoz Adabiyoti Tadqiqi. Toshkent: 2016.
- Hirsch 2005 – Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005.
- Ikhsanov 2020 – Ikhsanov A. A Critique of Alexander Samoilovich (1880–1938) and the Process of an “Imperial Visitor’s” Evolution // Acta Slavica Iaponica. No. 40. 2020. P. 217–237.

- Kassymbekova* 2016 – *Kassymbekova B.* Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2016.
- Kemper* 2017 – *Kemper M.* From 1917 to 1937: The Mufti, the Turkologist, and Stalin's Terror // *Die Welt des Islams*. No. 57. 2017. P. 162–191.
- Khalid* 2015 – *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca and London: Cornell University Press, 2015.
- Ledeneva* 2018 – *Ledeneva A.* Introduction: the informal view of the world – key challenges and main findings of the Global Informality Project // *The Global Encyclopaedia of Informality Understanding Social and Cultural Complexity*. P. 1–31.
- Sartori* 2016 – *Sartori P.* Ijtihād in Bukhara: Central Asian Jadidism and Local Genealogies of Cultural Change // *Journal of Economic and Social History of the Orient*. № 59. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 193–236.
- Sartori* 2016 – *Sartori P.* On Madrasas, Legitimation, and Islamic Revival in 19th Century Khorezm // *Eurasian Studies*. Vol. 14 (1–2). Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 98–134.